

Нечаев Михаил Геннадьевич

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА НА УРАЛЕ

Деятельность Православного миссионерского общества, которое действовало с 1869 г. по 1917 г., стало наиболее яркой страницей в синодальный период истории Русской Православной Церкви. В исторической литературе очень кратко дается оценка итогов деятельности сибирских и заграничных миссий Православного миссионерского общества. Однако миссионерская работа общества на Урале никогда не рассматривалась. В этой статье автор пытается восполнить этот пробел в российской историографии на основании новых документов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 140-144. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

карнавальная культура фактически сходит на нет, так что ее всплеск в петровское время, пусть в несколько искусственной, но вполне понятной простым подданным царя-реформатора форме, отражал историческое отставание России на пути цивилизации в элиасовском понимании).

Список литературы

1. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721-1725 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. Ч. 1-2. С. 105-502.
2. Будин П. А. Пётр Великий и церковь // Царь Пётр и король Карл: два правителя и их народы. М.: Текст, 1999. С. 78-97.
3. Вильбуа. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 192-206.
4. Кайуа Р. Человек и сакральное // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 141-294.
5. Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюды о щеколке) // Смех: истоки и функции / под ред. А. Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002. С. 5-41.
6. Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 21-258.
7. Николаева И. Ю., Карагодина С. В. Природа смеха и природа власти Ивана Грозного и Козимо Медичи: сравнительный анализ в контексте раннеевропейских процессов Перехода // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Б. Г. Могильницкого. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 119-145.
8. Новое известие о времени Ивана Грозного / пер., ред. и прим. А. И. Малеина. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 62 с.
9. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2.
10. Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9-396.

LAUGHTER AND CHAOS: ON ROLE OF JESTERS IN COURT CULTURE OF PETER'S EPOCH

Mukhin Oleg Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tomsk State Pedagogical University
himan1@rambler.ru

The article suggests explanation of the increased role of laughter and buffoonery in the court culture of Peter I epoch. The unconscious compensatory function of laughter for Peter's psyche as a reformer and traditional values offender is emphasized. The connection of laughter and early processes of the Russian modernization is traced, and also the correlation of the quantitative and qualitative characteristics of jesters' laughter with the general level of society civilization is mentioned.

Key words and phrases: Russia; Peter I; modernization; laughter; unconscious.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Деятельность Православного миссионерского общества, которое действовало с 1869 г. по 1917 г., стало наиболее яркой страницей в синодальный период истории Русской Православной Церкви. В исторической литературе очень кратко дается оценка итогов деятельности сибирских и зарубежных миссий Православного миссионерского общества. Однако миссионерская работа общества на Урале никогда не рассматривалась. В этой статье автор пытается восполнить этот пробел в российской историографии на основании новых документов.

Ключевые слова и фразы: духовная миссия; катехизация; инородцы; приют; ясак; пожертвования; Святейший Синод; миссионерская школа; комиссия для перевода; проповедь; миссионерские курсы; миссионерский стан.

Нечаев Михаил Геннадьевич, к.и.н., доцент

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
mgn4@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА НА УРАЛЕ®

В широком смысле миссионерское служение охватывает все аспекты деятельности церкви. Можно говорить даже о том, что задачи церкви тождественны миссионерской. В современном православном богословии понимание миссии предполагает: «Миссия состоит в том, чтобы приближаться к миру, освящать и обновлять его, вкладывать новое содержание в старый образ жизни, принимать местные культуры и способы их выражения, не противоречащие христианской вере, преобразуя их в средства спасения» [5, с. 226].

Тем не менее, термин миссионерская деятельность является более узким, специфическим и имеет свои функциональные особенности. Так, отец Иннокентий относит миссионерство «к более узкой, хотя и весьма

важной области начального ознакомления как отдельных лиц, так и целых народов с учением Христовым и жизнью во Христе» [3, с. 175]. Существует также разделение на внешнюю и внутреннюю миссии. Внешняя миссия подразумевает воцерковление (дословно «первое введение в храм») за пределами православного пространства, в данном случае России. Внутренняя миссия направлена на укрепление православия внутри его. Под внешней миссией подразумевается «заграничная» миссия, а под внутренней подразумеваются действия по приведению в Церковь тех, кто вне её – внутри России. Есть и другой современный подход к определению внешней и внутренней миссий: «внутренней миссией называют миссию внутри формальных, официальных границ Православной Церкви, то есть обращение к тем, кто как бы «числится» в Церкви, будучи крещен, но не просвещен, такую миссию принято называть «катехизацией». А под внешней миссией понимается, в этом случае, служение Церкви по распространению и утверждению духа христианства вне формальных границ Церкви, что включает в себя приведение ко Христу людей через научение – оглашение – крещение» [5, с. 226].

Архимандрит Макарий (Глухареv) 1792-1847 гг. – основатель Алтайской духовной миссии – впервые поставил вопрос о создании Миссионерского общества. Свои соображения по этому поводу он изложил в своем сочинении «Мысли о способах к успешному распространению Христовой веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе», которое в 1838 году было представлено для рассмотрения в Святейший Синод. По его мнению, общество должно было иметь Устав, а его руководители – периодически предоставлять отчеты о его работе в открытой печати. Членами Миссионерского общества должны были быть все епископы Русской Православной Церкви. Архимандрит Макарий (Глухареv) считал, что Миссионерское общество должно принять на себя функции Библейского общества и издавать Библии на каждом языке народов России. В этом сочинении говорилось об учреждении двух миссионерских институтов – мужского и женского, с двенадцатилетним курсом обучения, куда дети принимались бы с двенадцати лет и где изучались бы латинский, греческий, еврейский, немецкий, арабский, татарский и монгольский языки. Миссионеров архимандрит Макарий разделил на три группы: миссионеры-монахи, семейные миссионеры и диаконы. В «Мыслях» звучит призыв к русскому народу воспитать из себя «народ-миссионер» – «Божьего сотрудника в спасении человеческого рода» [4, с. 123-124].

В России существовали духовные миссии: Алтайская, Киргизская, Иркутская, Забайкальская, Камчатская, Обдорская, Сургутская, Енисейская, Якутская. Вне России существовали православная миссия Японская, состоящая под управлением основателя ее (в 1862 г.) архиепископа Николая (Касаткина) 1836-1912 гг., и миссия Американская, под управлением Николая (Зиорова) 1851-1915 гг., епископа Алеутского и Аляскинского.

В 1865 г. все русские миссии, объединились в единый центр – «Миссионерское общество для содействия распространения христианства между язычниками», которое первоначально открылось в Петербурге. Однако с 1869 г. главное управление Миссионерского общества было перенесено в Москву, а в 1870 г. произошло его переименование в Православное миссионерское общество. Поэтому обычно считают, что Православное миссионерское общество возникло именно в 1869 г. по инициативе Марии Александровны (1824-1880 гг.) – супруги императора Александра II. Благодаря ее стараниям учреждены были всесословные женские учебные заведения, женские епархиальные училища, а также общества Красного Креста, «Распространения духовно-нравственных книг», «Восстановления христианства на Кавказе», также «Попечительство о слепых». Затем миссионерское общество находилось «под августейшим ея императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны покровительством».

Делами общества заведовал Совет под председательством московского митрополита. Первым председателем Православного Миссионерского общества стал митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Попов-Вениаминов) 1797-1879 гг. Он составил Устав Общества и в течение девяти лет руководил им. В епархиях стали появляться епархиальные комитеты Миссионерского общества. В 1875 году в 22-х епархиях уже действовали Миссионерские комитеты, в 1896 г. «епархиальных комитетов» насчитывалось уже 44, а в 1909 г. Совет Миссионерского общества координировал усилия 56 епархиальных комитетов, в том числе 9 сибирских миссий и несколько заграничных [2, с. 226-227].

Очень хорошо в литературе известны итоги деятельности заграничных миссий Православного Миссионерского общества. Так, при поддержке миссии архиепископ Николай (Касаткин), проживший в Японии более 50 лет, сумел фактически с нуля создать Японскую Православную Церковь, став её главой. К январю 1910 г. православных приходов в Японии насчитывалось 265, а верующих 31538 человек [1, с. 57]. К 1915 г. в Японии действовало три православных церкви, имевшие 37 священников, 8 дьяконов и 113 катехизаторов из крещенных японцев. В Токио была открыта семинария, в которой обучалось 67 человек, кроме того существовало 2 женских училища, имевших 105 учениц. Служба в церквях велась на японском языке [11, с. 456].

Североамериканская духовная миссия, превращенная в 1912 г. в Американскую епархию, насчитывала в своих рядах 168 представителей православного духовенства. При миссии действовал монастырь и духовная семинария, а также в Нью-Йорке издавался «Американский православный вестник». Всего в Америке православных проживало в данный период более 200 тыс. человек [Там же, с. 458-459].

Миссия в Китае имела около 60 служащих, и в её ведении находились 17 церквей, два мужских и один женский монастырь, 27 миссионерских станций, семинария, 17 школ (мужских и женских), библиотеки, типография, литография, механические мастерские, ферма, пасека, свечной завод, мыловарня, ткацкая фабрика, живописная мастерская. В 1916 г. общее количество китайцев православного исповедания составляло 6255 человек [Там же, с. 457]. С 1897 г. стала действовать православная миссия в Корее (всего было крещено около 10 тысяч корейцев) и в этом же году 21 мая ассирийцы-несториане Ирана подали прошение о соединении с Русской Православной Церковью. Только в 1898 г. просьбы о присоединении к православию были удовлетворены в отношении к епископу, трем священникам, дьякону и 20 тысячам мирян. Центром несториан была Урмия, поэтому православную миссию в Иране называли Урмийской, а епархию Урмийской и

Супурганской [5, с. 147-149; 11, с. 457]. В 1904 в Петербурге было учреждено Кирилло-Сергиевское Урмийское братство, целью которого являлось содействие утверждению православия в Урмии и обращению несториан в православие. К 1914 г. в Урмии насчитывалось до 40 храмов ведения православной миссии.

Русская духовная миссия в Палестине (Иерусалиме), учрежденная в 1847 г. в 1911-1912 гг., составила 9178 человек. Стараниями Императорского Палестинского Православного общества (ИППО) к 1914 г. в Палестине, Ливане, Сирии было открыто 113 общеобразовательных школ для арабских детей и два училища, которые готовили педагогические кадры для этих школ. В отличие от французских или английских школ, где преподавание велось только на европейских языках, в школах и учительских семинариях ИППО преподавание осуществлялось на родном арабском [5, с. 164-168; 11, с. 457-458].

Для тех, кто желал вступить в Православное миссионерское общество и получить звание действительного члена общества, вносили не менее 3 руб. в год (число членов общества к 1896 г. – свыше 14000). Кроме сборов по книжкам членов, средства общества слагались из пожертвований и кружечных сборов. Председательствовали Епархиальными комитетами общества местные архиереи. Епархиальные комитеты православного миссионерского общества внутри нашей страны очень часто называли «инородческой миссией». Дело в том, что в Российской империи неправославное население относилось либо к иноверцам (иудеи, мусульмане, ламаиты и язычники), либо к лицам инославного исповедания (или неправославным христианам). К инородцам относили язычников: марийцев (черемисов), удмуртов (вотяки), чувашей, мантов (вогулов), хантов (остяков) и других. В составе Православного миссионерского общества активно работала переводческая комиссия. Она находилась в Казани при Братстве Св. Гурия и готовила к изданию на «инородческих» языках книги богослужебные и учебные. Так, только в течение 1908-1909 гг. комиссией было издано 20 таких книг на чувашском языке, на татарском – 16, на марийском – 13, на удмуртском – 6, на киргизском – 2, на калмыцком, бурятском и мордовском языках по 1 книге. За эти же годы комиссия распространила 87575 экземпляров [2, с. 252-253].

На средства общества к 1909 г. функционировало более 800 миссионерских школ, где обучалось 19000 детей [Там же, с. 253]. В связи с полиэтноконфессиональным составом учащихся необходимо было менять содержание обучения и образования, подчинив его миссионерским задачам.

В определении Св. Синода от 18 декабря 1896 г. – 11 января 1898 г. «Об открытии церковно-приходских школ в местностях с инородческим населением» особо подчеркивалось: «Озаботиться возможно широким распространением в местностях с инородческим населением церковно-приходских школ и школ грамоты, предписав местному духовенству располагать инородческих детей к поступлению в эти школы» [10, с. 222].

Подробные указания, как обучать «инородческих» детей, были описаны в циркуляре Училищного Совета от 29 мая 1899 г. «О мерах к улучшению учебно-воспитательного дела в инородческих церковно-приходских школах и школах грамоты». Училищный Совет при Св. Синоде рекомендовал в одноклассных инородческих школах вместо 3-х летнего курса обучения вводить 4-х летний по системе Н. И. Ильминского (1822-1891 гг.). Исходя из этой системы, преподавание всех предметов, кроме обучения счету, проходило на «инородческих» языках (татарском, марийском, удмуртском, чувашском, мордовском, башкирском и т.д.). Советские исследователи называли эту систему реакционной: «Среди светских миссионерских деятелей-реакционеров особенно выделялись во второй половине XIX в. Н. И. Ильминский в Поволжье и Н. П. Остроумов в Туркестане. Созданные ими школы для инородцев были проникнуты идеями христианизации, русификации и монархизма» [11, с. 442].

В то время как обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев (1827-1907 гг.) с восхищением писал о системе Н. И. Ильминского: «Эту тайну воздействия на инородческие души уразумел глубоко покойный Николай Иванович Ильминский и в духе её создал систему духовного воспитания инородцев. Мысль его противоречила принятой системе механического обучения их на непонятном для них языке с целью так называемого обрусения, – целью, которая никогда не достигалась. Ильминский указал для этого единственный правый путь – привлечение инородца к церкви школою и богослужением на родном его языке, чтобы через церковь верно приобщить его и к народу и к языку русскому» [9, с. 4].

На полиэтноконфессиональном Урале (Вятская, Екатеринбургская, Пермская, Оренбургская и Уфимская епархии) деятельность «инородческой» миссии была чрезвычайно активной.

Так, в Вятской епархии инородческую миссию возглавлял специальный епархиальный миссионер, у него в подчинении находился помощник, а также окружные миссионеры. Миссионерских школ в епархии было 50, в них училось 1696 человек, в том числе 1608 инородцев. В Глазовском уезде, большинство населения которого составляли удмурты, в начале XX в. местные миссионеры по собственной инициативе образовали комиссии для перевода на удмуртский язык богослужебных и «поучительных» книг. Эти книги рассылали по селам для задачи прихожанам. В той же епархии к миссионерскому делу привлекали «добровольцев» и «ревнителей» из удмуртов. Им верили и охотно слушали. Таких добровольцев-ревнителей в каждом миссионерском районе имелось по несколько человек. В Вятке функционировали инородческие миссионерские курсы. В 1909 г. эти курсы закончили 13 человек (удмуртов – 6, марийцев – 6 и 1 татарин). Слушатели курсов совершали миссионерские экскурсии к марийцам Яранского уезда и удмуртам Глазовского и Сарапульского уездов [2, с. 226-227, 241].

В Екатеринбургской епархии из миссионерских учреждений существовал Каслинский башкирский приют, персонал которого руководствовался задачей – «воспитание и обучение детей мусульман-башкир русской грамоте» [Там же, с. 249]. В 1909 г. в приюте было 10 воспитанников, обучавшихся по программе для инородческих школ Н. И. Ильминского.

Екатеринбургский комитет православного миссионерского общества в течение 20 лет содержал на свои деньги в 4 поселках для вогул Верхотурского уезда школы грамоты. До открытия этих школ среди вогул на расстоянии 60-100 верст не было ни одного грамотного человека. Первые учителя жили с хозяевами, где

содержались собака и телята. Трудно было уговорить родителей отдать детей в школу, особенно девочек. За 20 лет среди вогул появились грамотные люди. Были построены часовни и даже церковь в Лаче [6, с. 1096]. В 1906 г. в этих 4 школах грамоты обучалось 30 девочек и 61 мальчик, всего 91 человек. В этом же году закончили школу 16 человек. На нужды школы епархиальный комитет Православного миссионерского общества расходовал 1560 руб. [8, д. 2143, л. 42].

За эти годы кочующие вогулы частично обрусели и стали оседлыми. Учитывая эти обстоятельства, екатеринбургский комитет Православного миссионерского общества 10 августа 1906 г. на своем заседании признал, «что эти школы давно утратили миссионерский характер и функционируют среди населения вполне обрусевшего, почти утратившего свой язык» [7, с. 1493].

В результате эти школы были переданы Епархиальному училищному Совету, а комитет направил свои основные усилия на создание условий для миссионерской деятельности на самом крайнем севере Верхотурского уезда, где проживали кочевые вогулы, по приблизительным подсчетам их насчитывалось около 300 человек (из них 70 мужчин).

Оседлых вогул называли ясачными, они занимались земледелием, а также рыбной ловлей и охотой. Кочующие же вогулы зиму проводили в юртах, в местах по рекам Вижаю, Тошенке и Лозье. С миссионерской целью в ближайшем от вогульских кочевий селе Никито-Ивдельском открывалась с 1906 г. специальная школа для кочевых вогул.

Помимо школы, екатеринбургский комитет миссионерского общества предложил в селе Никито-Ивдельском открыть местному священнику детский приют. Но вогулы не дали своих детей не только в Ивдель, но даже отказали отдавать детей, если такой же приют будет около их кочевий. С горечью об этом пишет екатеринбургский епископ: «Вогулы-полуязычники остаются теми же, что и были. Если бы какие-либо подвижники-монашествующие, два три лица, поселились на севере среди инородцев, основали бы обитель при помощи Миссионерского комитета, занялись бы сельским хозяйством, огородничеством... то можно с уверенностью сказать, что в три, четыре года они привлекли бы к себе обитателей севера, и инородцы, привыкшие видеть благочестивых подвижников, заимствовали бы своих детей, то в услужение, то в научение» [8, д. 2268, л. 66].

В 1905 г. к кочующим вогулам три раза выезжал причт церкви села Никито-Ивдельского. Священник Алексей Катагощин и псаломщик Дмитрий Рогалев посетили 7 юрт вогулов, живущих близ реки Вижа и Ташенки. В юртах были совершены молебные пения, окрещены три младенца и проводились беседы на религиозно-нравственные темы [Там же, д. 2086, л. 72].

В 1909 г. новым священником походной церкви был назначен Гаряев. Он успешно начал изучать вогульский язык. Совершил несколько поездок в их кочевья. И как пишет екатеринбургский епископ в своем отчете: «Употреблял следующие приемы: ласковое обращение, подарки женщинам в виде мыла, цветных платков, а детей оделял крестиками и конфетами, говорил с ними на родном их наречии» [Там же, д. 2268, л. 168].

В Пермской епархии миссионерских приходов с инородческим населением в 1909 г. было 7, из них 6 в Красноуфимском уезде и 1 в Осинском уезде. Все священники этих приходов – выходцы из инородцев и естественно свободно владели языками своих прихожан: марийским и удмуртским. Они все работали законоучителями в инородческих школах и помимо своих обязанностей вели частные беседы со взрослым населением. Причем вся эта миссионерская работа не вознаграждалась.

Миссионерско-просветительской деятельностью занимался основанный по инициативе Православного миссионерского общества Сарсинский Боголюбский православно-миссионерский женский монастырь. Суть этой деятельности так описана в отчете обер-прокурора Св. Синода: «миссионерско-просветительная деятельность монастыря выражалась: а) в оказании материальной помощи местным черемисам и магометанам – деньгами, лекарством, хлебом и одеждой; б) в содержании инородок в качестве послушниц и приютянок, и в) в миссионерском воздействии сестер обители на инородческое население путем собеседований и исполнением на черемисском языке некоторых песнопений при богослужении в сарсинском храме для посещающих его местных и окрестных черемис» [2, с. 246-247].

Вопрос об открытии миссии среди казахов Оренбургской епархии рассматривался 10 ноября 1893 г. на заседании совета Православного миссионерского общества. В 1894 г. начали работу три миссионерских стана: в Актюбинске, Иргизе и Кустанае. Оренбургская епархия охватывала не только пределы Оренбургской губернии, но и две области: Уральскую (до 1908 г.) и Тургайскую. В Тургайской области находилось два миссионерских стана: Макарьевский и Актюбинский. В пределах Макарьевского стана работала русско-киргизская школа с интернатом на 20 киргизов, а всего учащихся насчитывалось 45 человек. Помимо этого функционировали вечерние классы для взрослых – новокрещенных. Актюбинский стан имел миссионерскую школу с 42 учениками. Всего в области работало 61 церковная школа, где училось 4035 учеников. В Оренбургской губернии находился Богодуховской миссионерский стан, где находилась прекрасная второклассная школа для православных инородческих детей. Большая часть выпускников школы состояли учителями инородческих школ, а остальные – псаломщиками в инородческих приходах [Там же, с. 250-251].

В Уфимской епархии в 1909 г. было 50 миссионерских школ, из них 2 двухклассные, а остальные одноклассные. В них училось 1850 человек: русских – 170, чуваш – 715, мордвы – 37, крещенных татар – 760, удмуртов – 50 и марийцев – 118. Учителя в школах в основном инородцы, большинство закончили курс в Казанской центральной крещено-татарской школе и Симбирской чувашской школе [Там же, с. 247].

Говорить о том, что целью православного миссионерского общества являлась русификация, причем главным образом насильственная, было бы наверно большой натяжкой. Как раз в деятельности инородческих миссионеров явно обозначилась тенденция к открытости и диалогу культур. Можно с уверенностью назвать миссионерские учреждения «культурными гнездами», способными организовать культурную жизнь провинции.

Список литературы

1. **Антоний (Мельников), архиепископ Минский и Белорусский.** Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богословские труды. М., 1975. Т. 14. С. 5-61.
2. **Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы.** СПб., 1911. 266 с.
3. **Иннокентий (Павлов), игумен.** Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви // Богословские труды. М., 1987. Т. 28. С. 175-180.
4. **Макарий (Глухарев), архим.** Мысли о способах к успешному распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе / предисл. священника С. В. Страхова. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1894. 131 с.
5. **Миссиология:** учеб. пособие / ред. Иоанн (Попов), архиепископ Белгородский и Старооскольский, председатель Миссионерского отдела Русской Православной Церкви. Белгород: Изд-во Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009. 464 с.
6. **Прибавления к Церковным ведомостям.** 1907. № 27. 7 июля.
7. **Прибавления к Церковным ведомостям.** 1907. № 35. 1 сентября.
8. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 796. Оп. 442.
9. **Русский миссионер у инородцев.** СПб.: Изд-во Синод. Тип., 1905. 48 с.
10. **Сборник узаконений и распоряжений о церковных школах ведомства православного исповедания / сост. Ф. Федотов.** СПб., 1907. 290 с.
11. **Смирнов Н. А.** Миссионерская деятельность церкви (Вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 438-462.

ACTIVITY OF ORTHODOX MISSIONARY SOCIETY IN URAL

Nechaev Mikhail Gennad'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University
mgn4@mail.ru

The activity of Orthodox Missionary Society from 1869 till 1917 was the most outstanding page in the synodal period of the Russian Orthodox Church history. Historical literature gives very brief estimation of the Siberian and foreign Orthodox Missionary Societies missions results. However, the society missionary work in Ural has never been considered. In this article the author attempts to eliminate this gap in the Russian historiography on the basis of new documents.

Key words and phrases: spiritual mission; catechesis; foreigners; shelter; tribute; donations; Holy Synod; missionary school; commission for transition; sermon; missionary courses; missionary camp.

УДК 314.74

Социологические науки

В статье представлена авторская модель социально-исторического развития общества. Она дополняет существующие макросоциологические модели, вводя в них экологическое измерение. Модель охватывает период развития человечества с момента его вступления в цивилизованное состояние. Этот переход положил начало систематическому преобразованию природы, открыв путь социоэкологическим трансформациям. На основе двенадцати аналитических категорий дан сравнительный анализ трех исторических типов социально-экологических систем, выделенных автором.

Ключевые слова и фразы: макросоциологические модели социально-исторического развития; экологические трансформации; исторический тип социально-экологической системы; экосистемное общество; биосферное общество; ноосферное общество.

Новожилова Елена Олеговна, к. биол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elena1572009@rambler.ru

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА[©]**

В длительной истории взаимоотношений общества и природы можно выделить как эволюционные периоды, так и периоды социоэкологических трансформаций, революционные, по сути¹. Социоэкологической

[©] Новожилова Е. О., 2014

¹ Представленная здесь трехчастная экологическая модель социально-исторического развития общества впервые упоминается в статье «Социоэкологическая антропология» [2].